

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Николаевич. Хранитель красоты</i>	7
От автора	19
Город света	21
Знакомство с Парижем	29
Маша	47
Серебряковы	55
Добужинский и Бушен	62
Эрте	76
Первый спектакль	85
Александр Арбат	98
Экскурсовод, актер, певец	110
Блошинные рынки и мои интерьеры	123
Румыны	136
“Эсмод”	143
Работа в кино	157
Три встречи с папой	167
Халинка	175
Монморанси	187
Красота в изгнании	205
Югославия	229
Пановы	240
Майя Плисецкая	259
Исландия	272

Галина Вишневская	288
Галина Самсова	299
Графиня Алефельдт-Лаурвиг	310
Юрий Любимов	323
Самая розовая японка	330
Турция	347
Южная Америка	363
США	389
Гонконг и Макао	406
Послесловие	423
Указатель имен	425

Хранитель красоты

Я застал времена, когда его звали Саня. В этом имени было что-то нежное и, наверное, немного старомодное. Эхо какой-то другой, прошлой жизни. Как Мисюся у Чехова. Я и сейчас позволю себе его так называть — не фамильярности ради, но чтобы ощутить вкус времени, который нам обоим хорошо знаком как людям, родившимся в один год и проживавшим когда-то более или менее по соседству.

Знаток моды, эксперт по русскому антиквариату, завсегда́тай барахолка и комиссионного магазина на Якиманке, где во времена нашего детства торговали эскизами мирискусников и кузнецовским фарфором. Друг всех арбатских старушек. Саня Васильев покинул СССР в начале восьмидесятых. Душное, тоскливое время. Поздний брежневский закат. Не помню всех подробностей его отъезда, хотя в каком-то из своих интервью Саня их обстоятельно перечислял. Но я зафиксировал точно, что там фигурировала несчастная любовь, которая обернулась большой жизненной удачей — Париж, бульвар Лефевр, метро “Порт-де-Версаль”... Парижский адрес маэстро Александра Васильева. На самом деле французы очень трепетно относятся к тому, в каком парижском арондисмане вы проживаете. Адрес как главный тест вашей финансовой и социальной состоятельности, ключевой знак общественного статуса и материальных возможностей. Заслуживаете ли вы внимания и даже просто приветственного кивка? Адрес для Парижа — это всё. Для русского эмигранта в первом поколении, каким был Саня, бульвар Лефевр звучит вполне себе солидно и даже буржуазно.

Он и в Москве жил на престижной и респектабельной Фрунзенской набережной.

Сейчас, кроме Парижа, Васильев живет то в семейном поместье в Литве, то в квартире в Анталии, то в вилле под Калининградом...

Каждый дом Сани — это как еще одна непрожитая жизнь. Главы романа, который он продолжает писать — то под сенью вековых дубов своего родового литовского поместья, то в окружении объектов ар-деко в турецкой квартире, то разложив откидную доску своего старинного ампирного бюро красного дерева в Париже. Вещи, попадающие в руки Васильева, — всегда нечто большее, чем просто антиквариат, купленный на парижских, брюссельских или стамбульских развалах. Это сама История, драматичные и затейливые пересечения судеб нескольких поколений. И это всегда Театр.

Все-таки Саня — очень театральный человек. И по своему рождению — позднее дитя любви красавицы актрисы Татьяны Гулевич и выдающегося театрального художника, народного художника РСФСР Александра Павловича Васильева. И по образованию — выпускник постановочного факультета Школы-студии МХАТ. И по кругу своих дружеских и душевных привязанностей. Несмотря на наличие отчетливого мхатовского следа в биографии, сам Васильев, конечно, отдает предпочтение классической актерской школе представления петербургского толка. Предельно четкая актерская артикуляция, когда слышно каждое слово без всяких микрофонов и подзвучек. Неизменная привычка разыгрывать маленький спектакль из любого своего появления. Придирчивое внимание к каждой детали. Ничего случайного или небрежного. Все продумано и просчитано до миллиметра. Наряд никогда не повторяется. Жабо, шарфы, перстни, жилеты, броши, турецкая феска, цилиндр, шали...

Он появляется, и начинается действие. Он произносит первую реплику, и надо поскорее занимать место в партере.

Свою беспримерную деятельность коллекционера и историка моды он всегда умудрялся совмещать с интенсивной работой театрального художника-оформителя. Впечатляет география его спектаклей. Тут и Южная Америка, и Восточная Европа, и Япония, и Ближний Восток...

На самом деле Александр Васильев — вечный странник, нагруженный дорожными сумками, чемоданами, картонками. Совсем не представляю его перемещающимся по миру налегке, с одним ноутбуком и рюкзачком, как теперь принято.

Практически в одиночку он тащит на себе тяжеленное бремя веков, столетнюю память поколений, старинный хлам, ставший благодаря ему музейной ценностью... Есть что-то в этом от подвига Сизифа — любимого героя европейских интеллектуалов, но и от странствий юного Алладина с его Волшебной лампой. Саня не любит нахмуренных лбов, стоических мин, торжественных, строгих интонаций. Когда он выступает, непонятно: шутит он или говорит всерьез, насмешничает или делает комплименты. К его улыбкам, шуткам и историям всегда подмешена несмертельная доза яда. Ее не сразу распознаешь. Тем не менее насмешливая ядовитость Васильева — это противодействие скуке жизни, пошлой банальности, торжественному пафосу, которым заражены более или менее все люди моды. Там, где Саня, слышится звон старинных бокалов, мерцают зеркальные блики, сияет пламя свечей. Это всегда театр одного актера. Хотя сам он, похоже, не терпит одиночества, ему постоянно нужны восхищенные зрители. Отсюда толпы дам средних лет, которых он называет своими ученицами. Они ходят за ним покорными толпами по улицам Стамбула, Парижа, Монте-Карло, они внимают его лекциям в музеях и ресторанах, которые он арендует под свои выступления. Они доверяют ему свои сокоро-

венные тайны и смелые мечты. Женщинам свойственна тяга к прекрасному. А он для них такой коллективный доктор Хиггинс. В этом была уникальность и незаменимость его “Модного приговора”. И все его лекции, выставки и экскурсии на самом деле — своего рода уроки мужества. Мужества жить, любить, побеждать разные невеселые обстоятельства, включая возраст, и быть прекрасным, несмотря ни на что.

...Когда мы познакомились, Саня еще не был доктором Хиггинсом, а больше смахивал на романтика в черном. Носил черные шелка, каракулеву шапку-кубанку, зализанные за уши волосы. По воскресеньям надевал что-то вроде смокинга горчичного цвета, к лацкану которого прицеплял две камни, и отправлялся на чай в отель “Лютеция”, где его уже ждали какие-то высокопоставленные дамы “из бывших”.

Эти великолепные трансформации я наблюдал воочию, когда гостил у него на бульваре Лефевр в Париже. Свою квартиру он уже успел не только обставить мебелью красного дерева, но и завесить все стены с потолка до пола разными портретами, старинными вышивками, гравюрами, миниатюрами. Там уже тогда можно было водить экскурсии. Что он, собственно, и делал, не вставая с ампирного павловского кресла.

Хорошо запомнил его наблюдения, что французы с легкостью и радостью освобождаются от всякого старья, а русские держатся за древний хлам до последнего. Например, он знал дома, где хранились подшивки старых эмигрантских газет 1920-х годов. Хозяева не могли с ними расстаться до самой своей смерти. Рассказывал о первых волнах эмиграции, которые принял на себя Стамбул, тогда еще Константинополь...

Саня уехал из Москвы, когда я еще учился в ГИТИСе, мы не были тогда знакомы. Но время от времени его имя возника-

ло в околотеатральных кругах вместе с именами разных знатных невозвращенцев и диссидентов: Нуреев, Макарова, Вишневская, Ростропович, Барышников, супруги Пановы... Как-то сразу он оказался по ту сторону рампы, где его трудно было разглядеть даже в морскую подзорную трубу, что уж говорить о перламутровом театральном бинокле. Его имя не было под запретом — родители оставались в Москве. Ни в каких диссидентских демаршах или демонстрациях он замечен не был. Но выйти из глухой эмигрантской тени ему удалось только к концу восьмидесятих годов вместе с перестройкой и первыми вылазками в Париж его соотечественников, которым он предоставлял кров и с которыми щедро делился советами бывалого человека.

Некоторые из этих советов я запомнил на всю жизнь. Например, что по улицам Парижа не полагается ходить с розовой сумкой в клетку из “*Tati*”.

— Ты не Майя Плисецкая! Ты не можешь себе это позволить.

— Но почему, почему? — недоумевал я. — Подумаешь, какая-то сумка!

— Если ты отовариваешься в “*Tati*”, значит, на тебе можно поставить крест, — чеканил Саня.

Еще никогда не надо в “*Monoprix*” покупать дешевый джем. Выброшенные деньги. Там нет фруктов, один только сахар и красители. Как это определить? Очень просто. По цене! А еще можно взять банку и посмотреть на просвет. Если все малиновые семечки сгруппировались в одном месте, значит, джем никуда не годится. Они должны быть распределены по всей поверхности банки.

Каждое утро мы начинали с того, что изучали карту Парижа и тот район, куда мне предстояло отправиться. Саня знал все. Кто там жил раньше, на что стоит обратить внимание, как легче доехать на метро, где можно недорого пере-

кусить. Париж приучил его к жесткой экономии, в которой ничего не было от извечной французской скарденности, но было точное знание цены, которую ты можешь себе позволить или не можешь. В последнем случае надо с достоинством отойти в сторону...

Этому его тоже научил Париж. Каждый должен знать свое место. И не посягать на чужое время и пространство. И в этом нет никакого пренебрежения или унижения. К скромнейшей консьержке здесь принято обращаться “*madame*”, как и к высокородной герцогине. Свобода, равенство, братство — это не просто лозунги, но основы французского самосознания, которым предстояло овладеть мальчику с Фрунзенской набережной.

В Париже он пригласил меня вместе с нашей общей подругой, известной переводчицей Машей Зониной, в отель “*De Crillon*”. На ужин там ни у него, ни у нас денег не было. Но бокал вина, чтобы отметить окончание моего парижского визита, он позволить себе мог.

По этому случаю Саня надел свои камеи, как орденские колодки. Музейные гобелены и хрустальные люстры заставляли выпрямить спину и говорить полупшепотом. Там все подавляло. Особенно торжественный вид бармена в белом смокинге, который принес мой джин с тоником, а вместе с ним еще целый поднос, уставленный розетками с чипсами, оливками и печеньем.

— Но мы это не заказывали, — простонал я, судорожно подсчитывая в уме, сколько будет стоить это великолепие.

— Это комплимент, месье, — почтительно поклонился бармен.

Мы с Машей, которая в то время маялась без квартиры по парижским знакомым с маленькой дочкой, чувствовали себя детьми бедных кварталов, допущенными из милости до королевских покоев, откуда нас могли выгнать в любой

момент. И поделом! Нечего советским гражданам делать в крийонах! Зато Саня был на высоте. Это был его мир, его любимый интерьер, его законная территория.

Конечно, Сане Васильеву несказанно повезло: он застал Париж восьмидесятых — начала девяностых годов. До глобальной цифровизации и массовых переселений беженцев из Африки и Азии. До всех нищих, спящих со своим детьми на холодном асфальте в Сен-Жермен.

Он застал последние триумфы от-кутюр Ив Сен-Лорана в “*Intercontinental*” и Рудольфа Нуреева в *Opera Garnier*.

Он был лично знаком со всеми эпохальными красавицами 1920-х и 1930-х годов, которым посвятил свой капитальный труд “Красота в изгнании”.

Он наблюдал своими глазами медленное погружение в ледяные воды Леты русской эмигрантской Атлантиды двадцатых-тридцатых. Вся эта былая жизнь с рецептами куличей, с семейными альбомами и престольными праздниками, с пасхальной службой в русской церкви на Рю Дарю, с ежегодным паломничеством на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, со всеми этими вечными спорами, кто виноват, что все закончилось так, как закончилось...

Странно, что для этих хроник не нашлось никого из местных русских, рожденных во Франции. А может, в этом и нет ничего странного. Дети русских эмигрантов торопились стать французами, чтобы отречься от вечного хаоса, уйти от эмигрантских свар и разборок, поскорее забыть горький запах чужбины. Понадобился Саня Васильев, обладатель советского паспорта и московской прописки, чтобы не просто запечатлеть ушедшую эпоху, но стать ее певцом, исследователем и, можно сказать, главным хранителем. Это уже было больше, чем хобби, экстравагантное вложение денег или странная эстетская причуда. Это была судьба!

Не он решил тратить свою жизнь на спасение остатков изгнанной Красоты. Это она выбрала его, угадав в нем своего главного спасителя.

“Кто ты? Мой ангел ли хранитель? Или коварный искуситель?” — пела Галина Вишневская на сцене *Opera Garnier*, прощаясь со зрителями и любимой оперой Чайковского в 1980 году. В каком-то смысле это было и есть амплуа Сани Васильева. Он и ангел-хранитель, и великий защитник Красоты. Но и коварный искуситель, умеющий обольщать, уговаривать, пленять, когда речь заходит о редких экземплярах для его модной коллекции, которую он собирает уже больше сорока лет. Бесконечен список звезд, которых он покорил, уговорив расстаться со своими нарядами и отдать их ему навсегда. Даже сейчас, когда приходят горестные известия о кончине очередной народной артистки, первая реакция Сани: “У меня есть ее платье” или “Я успел выкупить весь ее гардероб”.

Меня бесконечно тронуло посмертное распоряжение Майи Михайловны Плисецкой отдать Васильеву свои наряды от *Pierre Cardin*: “Мои тряпки выбросят, а Саша их сохранит”. И она была права. Нет более ответственного и точного человека, чем он. Для меня загадка, как облик щеголя, жуира и бонвивана совмещается у него с хваткой и педантизмом прирожденного архивариуса.

Конечно, он давно заслужил свой Музей. И не вина Васильева, что его до сих так и не появилось на карте мира. Зато этот его Музей с отменной легкостью пересекает границы и существует на самых разных площадках. Сегодня в Риге, завтра в Дубае, послезавтра в Калининграде или в Лиенае. Музей-корабль, музей-караван, музей-ковер-самолет...

Эти сотни и тысячи платьев странствуют по всему свету за ним, как личный гарем за своим повелителем. Но в отличие от классического гарема Саня не прячет своих любимых

от посторонних глаз. Наоборот, он счастлив, когда их видят, когда ими любуются люди, когда на их фоне делают селфи. Саня и сам никогда не отказывает никому из посетителей своих выставок запечатлеться вместе. А почему нет? Ведь что-то должно остаться на память. И если это фото сможет потом кого-то утешить или порадовать, значит, со своей миссией хранителя Красоты Александр Васильев справился. Он не только спас ее от забвения, но и подарил другим. Жизнь нас сводит и разводит. Но сейчас, когда я читаю его новую книгу, невольно вспоминается чеховский “Дом с мезонином”: “...в минуты, когда меня томит одиночество и мне грустно, я вспоминаю смутно, и мало-помалу мне почему-то начинает казаться, что обо мне тоже вспоминают, меня ждут и что мы встретимся... Мисюсь, где ты?”

*Сергей Николаевич
Юрмала, 2023*